

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра истории русской литературы

Аршинова Ирина Владимировна

КОНЦЕПЦИЯ «АВТОР—ГЕРОЙ—ЧИТАТЕЛЬ» В РАБОТАХ

М.М. БАХТИНА 1920-Х ГОДОВ

Выпускная квалификационная работа

магистра филологии

Научный руководитель: д.ф.н., проф. Бухаркин Петр Евгеньевич

Рецензент: к.ф.н., ст.н.с. Корконосенко Кирилл Сергеевич

СПбГУ

2016

Содержание

Введение.....	стр.3
Глава 1. Наука и ответственность: разработка методологии гуманитарного знания в работах «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности».....	стр. 12
Глава 2. «Первая филология»: антропные инстанции текста — автор, герой, читатель — в работах «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности».....	стр. 32
Заключение.....	стр. 48
Список использованной литературы.....	стр. 53

Введение

Имя Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975) в отечественной и мировой гуманитарной науке настолько хорошо известно, что представить его должным образом довольно затруднительно. Он один из немногих исследователей XX века, кто сам стал не только объектом исследования, но и культурным героем, вокруг которого сложилась определенная мифология. Сразу несколько дисциплин претендуют на то, что так или иначе изучают бахтинское наследие — «бахтинистика», «бахтинология», «бахтиноведение» и так далее¹. Ну а количество школ, а чаще частных инициатив отдельных исследователей, у каждого из которых «свой Бахтин», вообще едва ли исчислимо. Все это привело к тому, что обзреть весь круг работ о бахтинском творчестве, написанных на десятках европейских и неевропейских языков, фактически не представляется возможным. Любая сколь угодно пространная выборка будет неизбежно носить в той или иной степени случайный характер.

Самым серьезным из всех высказываний о Бахтине, безусловно, является обширнейший комментарий к бахтинскому собранию сочинений². Плод титанической работы ведущих знатоков творчества Бахтина, таких как С.С. Аверинцев, С.Г. Бочаров, Л.А. Гоготишвили, В.В. Кожин, В.В. Ляпунов, В.Л. Махлин и других, этот комментарий дает исчерпывающие сведения о бахтинском научном творчестве сразу в нескольких важнейших направлениях.

Во-первых, в подробностях восстановлена текстологическая история каждого произведения, что, учитывая весьма непростую историю их написания, утраты и обретения, очень немало. Хотя даже сам факт того, что

---

¹ попытка проанализировать стоящие за этими названиями научные реалии сделана в работе: *Emerson C. The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin*. Princeton: Princeton University Press, 1997. 350 pp.

² *Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 1997-2012.*

тексты Бахтина, особенно ранние, удалось прочесть и подготовить к печати, — это уже колоссальное приобретение для гуманитарной науки.

Во-вторых, удалось раскрыть огромный цитатный слой, тот самый «диалогизующий фон» бахтинских текстов, без анализа которого не может быть их адекватного прочтения. После тщательного сопоставительного анализа текстов, отдельных идей и концептов Бахтина с текстами, идеями и концептами Иммануила Канта и Вильгельма Дильтея, а также Германа Когена, Анри Бергсона, Макса Шелера и многих других Бахтину, с одной стороны, перестали приписывать открытия, которых он не совершал, а с другой — стал более очевиден и конкретен его действительный вклад в гуманитарную науку.

В-третьих, в комментарии даны истолкования используемых Бахтиным понятий, написанные по принципу словарной статьи, которая как бы «переводит» слова с бахтинского на общепринятый научно-гуманитарный русский. Надо сказать, что это первое и на данный момент единственное систематическое осмысление особенностей бахтинского узуса. Задуманный Н.Д. Тамарченко, С.Н. Бройтманом и А. Садецким проект «Бахтинского тезауруса»³, к сожалению, не продвинулся дальше стадии словника и считанных статей по отдельным вопросам. На современном этапе развития бахтинистики авторитетные ученые, среди которых В.Л. Махлин⁴, считают путь изучения Бахтина через изучение его словоупотребления наиболее плодотворным.

В-четвертых, в комментарии производится обобщение всего того необъятного количества посвященной как общим, так и частным вопросам бахтинского наследия литературы, которое было известно на момент выхода очередного тома. Это уже, конечно, «диалогизующий фон» самого

---

³ Бахтинский тезаурус. Материалы и исследования: Сб. ст. / под ред. Н.Д. Тамарченко, С.Н. Бройтмана, А. Садецкого. М.: РГГУ, 1997. 183 с

⁴ *Махлин В.Л.* Рукописи горят без огня (Вместо предисловия) // Михаил Михайлович Бахтин / под ред. В.Л.Махлина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 5-22.

комментария, который его составители также считают необходимым эксплицировать.

В результате проделанной огромной работы бахтинские тексты были возвращены в свой интеллектуальный, духовный, мировоззренческий контекст, в котором они находились исторически, и эта реконтекстуализация Бахтина сослужила и еще сослужит службу как бахтинистике, так и гуманитарной науке в целом. По нашему мнению, только после выхода в свет этого собрания сочинений и стало возможным полноценное обращение к бахтинскому творчеству с какими бы то ни было целями.

Объектом нашего исследования стали самые ранние из известных сочинений Бахтина — это трактаты «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности», опубликованные в I томе собрания сочинений (2003 год). Создававшиеся в первой половине 1920-х гг., эти тексты, по единодушному мнению специалистов, в сгущенной форме содержат практически все основные идеи, развивавшиеся Бахтиным на протяжении его долгой научной жизни. Можно сказать, что именно в работах «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности» Бахтин ищет свою проблематику в гуманитаристике, вырабатывает необходимую методологию и соответствующий ей терминологический инструментарий. Эти произведения замечательны еще и тем, что, создававшиеся Бахтиным «для себя», так сказать, для внутреннего пользования, они сохраняют своеобразную память о собственном генезисе — а следовательно, и генезисе бахтинской теории. То, что впоследствии из-за печальных особенностей личной и творческой биографии Бахтина⁵ будет скупо рассыпаться им на страницах многих других произведений, здесь не

---

⁵ см. общие исследования по биографии М.М. Бахтина (не принимая в расчет подробнейшую биографическую справку в собрании сочинений): *Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin.* Cambridge, Mass.; London: Belknap Press of Harvard University Press, 1984. 398 pp.; *Паньков Н.А.* Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 720 с. О раннем периоде творческой биографии Бахтина также см.: *Бонецкая Н.К.* Бахтин в двадцатые годы // М.М. Бахтин: pro et contra: В 2 т. / сост. К.Г. Исупов. Т.2. Изд-во РХГИ, 2002. С. 132-201.

просто собрано воедино, но является главным и почти единственным объектом рассмотрения и изложения.

В частности, нигде, кроме как в своих ранних произведениях, «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности, Бахтин с такой неоспоримостью не являет себя как философ. «Последним опытом прямого философствования» Бахтина называет С.Г. Бочаров трактат о герое и авторе⁶. Существует многими разделяемая точка зрения⁷, что якобы Бахтин обращается к литературоведческой проблематике исключительно под давлением непреодолимых исторических обстоятельств — чтобы иметь хотя бы какую-то возможность печататься и быть услышанным: пойдя русская история в начале XX века по иному пути — и мы бы знали только великого философа М.М. Бахтина, но никак не литературоведа. Мы же разделяем точку зрения, в наиболее аргументированном виде отстаивавшуюся Н.Д. Тмарченко⁸, что это совершенно не так.

То, что переход к эстетике словесного творчества был обусловлен имманентными причинами и явился естественным результатом эволюции бахтинского исследовательского мировоззрения, а не родом мимикрии в недружественном научно-гуманитарном пространстве, — приведению доводов в защиту справедливости этого тезиса на материале раннего бахтинского творчества и посвящено наше исследование. Поэтому **целью** нашей работы стало обоснование на примере изучения таких текстовых

---

⁶ Бочаров С.Г. Событие бытия. М.М. Бахтин и мы в дни его столетия // Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 503.

⁷ например, В.Л. Махлиным, что в тех или иных выражениях он неоднократно повторял. См., напр., его выступление на защите докторской диссертации по теме «Философская программа М.М. Бахтина и смена парадигмы в гуманитарном познании»: «Мы должны узнавать в обратных направлениях...» (Стенограмма докторской защиты В.Л. Махлина) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. №2. С. 137-192; аналогичным образом он высказывается в драматических тонах и в предисловии к составленной им антологии бахтинистики 2010 года, см.: Махлин В.Л. Рукописи горят без огня (Вместо предисловия). С.16.

⁸ см. разбор этой позиции в статье: Тмарченко Н.Д. Поэтика Бахтина и современная рецепция его творчества (Филология в лицах) // Вопросы литературы. 2011. №1. С. 291-340.

инстанций, как автор, герой и читатель, органичности перехода Бахтина от нравственно-философской проблематики к эстетике словесного творчества.

«Двойное гражданство» бахтинских текстов — в философской и филологической областях — неоднократно становилось предметом полемики и осмыслений⁹. Не имея цели и возможности подробно останавливаться на каждом из них, укажем только на одну из самых свежих систематических попыток — она была сделана в монографии Н.С. Автономовой «Открытая структура: Якобсон—Бахтин—Лотман—Гаспаров» (2009 год)¹⁰. Тщательно прореферировав историю полувековых интернациональных споров филологов и философов о месте Бахтина в гуманитаристике, исследовательница, не принимая крайних точек зрения, приходит к следующему выводу: она отмечает его «продуктивную иррациональность», полагает, что «настоящий Бахтин еще впереди», но констатирует, что «яркая, эвристичная концепция, которая явно предпочитает идею фактам, вряд ли может быть источником метода для эмпирической гуманитарной науки»¹¹.

---

⁹ вот только несколько в разных отношениях показательных текстов: *Бак Д.П.* Неформальный метод в литературоведении (К проблеме внеакадемичности литературоведа) // Бахтинский сборник: Выпуск II /Под ред. Д.Куянджича и В.Махлина. М.; Саранск, 1991. С.243-264; *Бонецкая Н.К.* О стиле философствования М.Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. №1. С. 6-48; *Гоготишвили Л.А.* Варианты и инварианты М.М. Бахтина // Вопросы философии. 1992. №1. С.115-133; *Она же.* Философия языка М.М. Бахтина и проблема ценностного релятивизма // М.М. Бахтин как философ / отв. ред. Л.А. Гоготишвили и П.С. Гуревич. М.: Наука, 1992. С.142-174; *Грюбель Р.* Проблема ценности и оценки в творчестве М.М.Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2001. №1. С. 32- 67; *Исупов К.Г.* Уроки М.М. Бахтина // М.М. Бахтин: pro et contra: В 2 т. / сост. К.Г. Исупов. Т.1. СПб.: изд-во РХГИ, 2002. С. 7-44; *Кларк К., Холквист М.* Архитектоника ответственности (пер. Н.К. Бонецкой) // Там же. С. 37-71; *Панич А.О.* «Любовь к слову» и «любовь к мудрости» в творческом мышлении Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. №3. С.67-100; *Самохвалова В.И.* Сознание как диалогическое отношение // М.М. Бахтин как философ / отв. ред. Л.А. Гоготишвили и П.С. Гуревич. М.: Наука, 1992. С. 190-205; *Фридман И.Н.* Незавершенная судьба «Эстетики завершения» // Там же. С.51-67.

¹⁰ *Автономова Н.С.* Открытая структура: Якобсон—Бахтин—Лотман—Гаспаров. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 502 с.

¹¹ Там же. С.154.

Едва ли можно согласиться с этим заключением Н.С. Автономовой, хотя надо признать, что для настоящего момента оно в высшей степени характерно. Солидаризоваться с ним трудно не только потому, что в ее работе не в пример больше внимания уделяется бахтинистам и их мнениям, чем Бахтину и его текстам. Будь это соотношение обратным, стало бы самоочевидным, что как раз о проблемах методологии гуманитарной науки, о ее предмете и характере (повсеместная «эмпиричность» которого вовсе не кажется такой уж бесспорной) Бахтин размышлял как мало кто из отечественных гуманитариев. Не будет преувеличением сказать, что именно эта тема красной нитью проходит через все его научное творчество. Вот только несколько самых заметных работ, посвященных ей: «К философским основам гуманитарных наук», «К методологии гуманитарных наук», «Из записей 1970—1974 гг.», «Ответ на вопросы редакции «Нового мира»», «К вопросам методологии эстетики словесного творчества». Впервые же вопрос о сущности гуманитарного подхода всерьез был поставлен Бахтиным в работах «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности», которые с точки зрения тематики и проблематики представляют собой части единого замысла. Более того, «К философии поступка» является не просто философской преамбулой к «Автору и герою», или «Автор и герой» — эстетическим аппендиксом к «Философии поступка». С точки зрения вопроса о методологии гуманитарного познания у Бахтина эти две работы, как две части единого замысла, несут одинаковую смысловую нагрузку. Иначе говоря, проблематика эстетики словесного творчества не могла не начинаться у Бахтина с разработки нравственной философии, а философская антропология не могла не разрешиться в эстетическом ключе.

Для понимания того, как складывались и развивались взгляды Бахтина на методологию гуманитаристики, очень важен тот факт, что это происходило, так сказать, на контрастном фоне: бахтинская научная биография дает нам все основания для того, чтобы сказать, что параллельно Бахтин не менее интенсивно, хотя и в иных формах, размышлял о методологии естественных наук. Притом последнее было лишено у Бахтина и

малейшего признака автоматического негативизма: осознавая всю разницу между гуманитарной и естественной наукой, Бахтин тем яснее представлял их как ветви единого человеческого знания^{12 13}. Наглядно показать это при помощи анализа текстов — составляет **одну из задач** нашего исследования¹⁴.

Теснейшим образом с вопросом о методологии связан вопрос о терминологии. Ученый из совершенно другого «лагеря», имеющего куда более прозрачное отношение к эмпирике, чем филология, немецкий физик, лауреат Нобелевской премии Вернер Гейзенберг (1901—1976) писал: «Первая предпосылка познания явлений природы — введение адекватных понятий; лишь с помощью верных понятий мы в состоянии по-настоящему знать, что мы наблюдаем»¹⁵.

Как раз в «верности» и «адекватности» бахтинским понятиям очень часто отказывали. С легкой руки М.Л. Гаспарова по филологическому миру разошлась оценка языка Бахтина — он был назван «вызывающе-неточным»¹⁶. Еще более распространенным было мнение, что терминология Бахтина не может считаться научной и, соответственно, использоваться в научно-

---

¹² ср. с точкой зрения М.К. Мамардашвили: *Мамардашвили М.К.* Обязательность формы // Вопросы литературы. 1976. №11. С. 75-80.

¹³ весьма любопытно, что такой непохожий на Бахтина ученый, как В.Н. Перетц, в свою книгу по методологии изучения русской литературы включил параграф под названием «Значение Бэкона, Декарта, Вико» (*Перетц В.Н.* Из лекций по методологии истории русской литературы. Киев: Типография 2-й Артели, 1914. 496 с.)

¹⁴ подобная попытка была предпринята в статье: *Новикова Л.И.* К методологии гуманитарного познания // М.М. Бахтин как философ / отв. ред. Л.А. Гоготишвили и П.С. Гуревич. М.: Наука, 1992. С. 97-109. Однако сопоставление с естественными науками в статье делается из самых общих соображений, не были никак учтены предпосылки для этого в самом бахтинском творчестве, в связи с чем в целом и контекст «реконструкции» оказывается неверным.

¹⁵ *Гейзенберг В.* Развитие понятий в истории квантовой механики // Гейзенберг В. Избранные философские работы: Шаги за горизонт. Часть и целое / пер. А.В. Ахутина, В.В. Биbihина. СПб.: Наука, 2005. С. 46.

¹⁶ *Гаспаров М.Л.* Бахтин в русской культуре XX века // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С.111-114.

гуманитарном обороте¹⁷, поскольку насквозь «метафорична»¹⁸. Неправомерность таких оценок доказана в комментарии к собранию сочинений Бахтина, однако он же на новом уровне подтвердил, что язык Бахтина действительно имеет свою специфику, которая должна обсуждаться и исследоваться¹⁹. В нашем исследовании данная проблематика будет рассмотрена на примере таких терминов, как автор, герой и читатель²⁰, что является **еще одной задачей** нашего исследования. Эти же текстовые инстанции в их взаимодействии в свете перспективы создания и развития бахтинской методологии гуманитарных наук являются **предметом** нашего изучения.

Цель и задачи определили структуру исследования. Работа состоит из введения, двух глав и заключения.

В работе использованы следующие сокращения:

---

¹⁷ наглядным опровержением тому служит словарь под редакцией Н.Д. Тamarченко, где бахтинская интерпретация литературоведческих терминов органично вплетена в их общеупотребительное истолкование, см.: Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тamarченко. М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. 358 с.

¹⁸ см. критику этой идеи в упомянутой статье Н.Д. Тamarченко: *Тamarченко Н.Д.* Поэтика Бахтина и современная рецепция его творчества (Филология в лицах). С. 291-340.

¹⁹ замечательные наблюдения общего характера о терминологии Бахтина даны в работах: *Бройтман С.Н.* Мир, празднующий богатство несовпадения с собою (Научная конференция «Проблемы теоретической и исторической поэтики в трудах М.М.Бахтина». Москва, РГГУ, 23 июля 1995 года) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. №4. С. 178-184; *Морсон Г.С., Эмерсон К.* Михаил Бахтин. Создание прозаики <фрагмент> (пер. Л.Н. Высоцкого, В.М. Калинкина) // М.М. Бахтин: pro et contra: В 2 т. / сост. К.Г. Исупов. Т.2. Изд-во РХГИ, 2002. С. 72-97; *Тamarченко Н.Д.* Поэтика Бахтина: уроки «бахтинологии» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55. №1. С. 3-16; *Он же.* «Эстетика словесного творчества» М.М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция. М.: Изд-во Кулагиной, 2011. 400 с. Любопытны также: *Кормилов С.И.* Особенности литературоведческой терминологии М.М. Бахтина и строение литературно-художественного произведения // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. №2. С. 6-22; *Садецкий А.* Диалогическое становление (слово Бахтина в оригинале и в переводе: проблемы дискурсивной аксиологии) // Бахтинский тезаурус. Материалы и исследования: Сб. ст. / под ред. Н.Д. Тamarченко, С.Н. Бройтмана, А. Садецкого. М.: РГГУ, 1997. С. 17-132.

²⁰ см. также: *Бондарев А.П.* Автор и читатель в эстетической деятельности // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. №4. С. 26-32.

«Искусство и ответственность» — ИО

«К философии поступка» — ФП

«Автор и герой в эстетической деятельности» — АГ

«Лекции и выступления М.М. Бахтина 1924–1925 гг. в записях Л.В. Пумпянского» — Лекции

Сокращения используются для удобства чтения только во внутритекстовых ссылках на I том с указанием страницы. Ввиду названных особенностей комментария нами было решено давать на него ссылку в подстраничной сноске с пометой «комментарий» и указанием страницы (в работе цитируется только комментарий к I тому собрания сочинений).

Глава 1. Наука и ответственность: разработка методологии гуманитарного знания в работах «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности»

У работ М.М. Бахтина «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности» трудная судьба. Написанные в начале 1920-х годов²¹ молодым начинающим философом в глубокой провинции, они были потеряны, и долгое время никто, включая и самого их автора, не знал, что они сохранились. В научный оборот они входили в течение долгого времени из-за невероятных текстологических трудностей, к тому же спустя 50 лет после создания: чудом найденные рукописи были неполными, а почерк автора — почти нечитаемым; даже названия, под которыми они теперь известны, были даны редактором (С.Г. Бочаровым). В пору их создания Бахтин еще очень молод (по научным меркам даже вызывающе молод): в начале 1920-х гг. ему было около 25 лет. В его багаже пока единственное выступление в печати — в 1919 году — крохотная статья «Искусство и ответственность» в однодневном издании «День искусства».

Уже в своих ранних крупных работах Бахтин предстает как исследователь со сложившимся стилем мышления и собственной научной программой. То, что работы, носящие условные названия «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности», являются частями единого замысла молодого Бахтина, подтверждается сопоставлением этих текстов, проделанным комментаторами собрания сочинений: оно «позволяет говорить о намеченных в тексте ФП направлениях единого исследования; одно из этих направлений и осуществляется в АГ»²². Проверить истинность этого утверждения нетрудно: общий круг проблем (в работе «К философии поступка» более широкий, но и менее детальный), параллельные места

---

²¹ Комментарий, 344.

²² Комментарий, 505.

(самое очевидное — анализ пушкинского стихотворения «Разлука», завершающий одну работу и открывающий другую), но главное — общий круг ключевых концептов, «изобретенных» и разработанных Бахтиным в совершенно оригинальном ключе, таких как событие бытия, венаходимость (трансгредиентность), архитектоника, ответственность и т.д., — вот лишь самое основное, что роднит эти тексты между собой и в то же время служит фактором, обуславливающим специфику и новизну бахтинского «проекта» гуманитарного знания.

В работе «К философии поступка» Бахтин, по собственному признанию, формулирует свою «философскую антропологию»²³ или иначе — «нравственную философию». Однако понимать эти авторские характеристики нужно в особом смысле, на мысль о котором наталкивает хотя бы соположение терминов «нравственный» и «антропологический». В этот необычный «синонимический» ряд встает и слово «первый» из словосочетания «первая философия (*prima philosophia*)» — на том основании, что именно ее создает Бахтин в своей первой крупной работе — в непосредственном терминологическом смысле этих слов. Как поясняет в комментарии С.С. Аверинцев, «первая философия — термин Аристотеля, означающий фундаментальную онтологию, закладывающую основы для всякого дальнейшего философствования. «Первой философии надлежит исследовать сущее как сущее — что оно такое и каково всё присущее ему как сущему» (Метафизика, кн. VI)»²⁴. Первая философия — иначе говоря, философия начальная, философия начал — в бахтинском тексте даже отчасти дефинируется через свой предмет, которым, в отличие от «отвлеченного единого» (*здесь употреблено субстантивированное прилагательное. — И.А.*) теоретического (читай — научного) познания, является, по мысли Бахтина, «конкретно-единственное бытие в его возможном целом» (ФП, 12).

---

²³ Комментарий, 351.

²⁴ Комментарий, 447.

Для сравнения рассмотрим бахтинский контекст аналогичного употребления слова «первый». Например, в «Авторе и герое»: «Каждый художник в своем творчестве, если оно значительно и серьезно, является п е р в ы м х у д о ж н и к о м, т.е. непосредственно сталкивается и борется с сырой познавательной-этической стихией, хаосом» (АГ, 253). Видим, что в обоих случаях («первая философия», «первый художник») речь идет не просто о порядковом номере явления, открывающего череду других аналогичных явлений. Напротив, место «первого» — уникально и обособлено: бахтинская семантика слова «первый» связана с процессом изменения состояния, переходом границы (еще один значимый для Бахтина концепт) — от безотчетного к рефлексивному, от бессознательного к сознательному, от стихийного к упорядоченному. Следовательно, настоящее начало всякой деятельности, например, эстетической (художественной), лежит за ее пределами: «Художник никогда не начинает с самого начала как художник, т.е. с самого начала не может иметь дело только с одними эстетическими элементами» (АГ, 254). В работе «К философии поступка» предметом исследования Бахтина как раз и является область по ту сторону эстетического — область «нравственного» или «антропологического». Собственно, само слово «поступок» существует как бы в семантическом поле двух этих терминов: поступок — это деяние, которое мыслится как «ответственное» и исключительно человеческое²⁵.

Поэтому «первая философия» может быть осуществлена только «первым философом», каким и предстал Бахтин в своей дебютной большой работе. Можно по аналогии сказать, что в ее продолжении, трактате «Автор и герой в эстетической деятельности», Бахтин разрабатывает уже «первую эстетику» или, конкретнее, — «первую филологию (латиноязычная версия термина выглядела бы, вероятно, как *prima philologica*)». Подробный анализ ранних работ Бахтина в свете этого представления будет сделан

---

²⁵ см. также: Комментарий, 443.

позднее, а пока обратимся к тому, что предшествовало и обрамляло историю ее возникновения.

Впервые об этом было заявлено в статье «Искусство и ответственность» — тексте, обладающем свойствами, которые, как правило, нечасто встречаются у сочинений философской направленности, к каковым он безусловно принадлежит. Эта статья явно публицистическая, эмоциональная (чего стоит предложение «И нечего для оправдания безответственности ссылаться на «вдохновенье»» (ИО, 5)), доходчиво написанная; при всей философичности поднимаемой проблемы — никакой специальной терминологии, «ссылок на Канта», даже синтаксис предельно облегчен. Вкрапления вопросно-ответной формы, отточенная афористичность фраз, непререкаемость тона — все это делает текст «Искусства и ответственности» похожим на манифест, хотя совершенно особого рода. Тот факт, что это первое выступление в печати молодого философа, удивителен и неудивителен одновременно: так обычно заявляли о себе современные Бахтину начинающие «реформаторы» искусства (вспомнить хотя бы литературные декларации футуристов, имажинистов и др.). Бахтин же не только подводит своеобразный промежуточный итог своих размышлений периода Невельской школы²⁶, но и, что важнее, формулирует общее направление своей будущей философско-филологической теории. В этой деятельности он однозначно выступает как реформатор, поскольку предлагает иную, новую методологию гуманитарного знания; недаром «Искусство и ответственность» по своей экспрессивности напоминает жест. Детальной разработкой новой гуманитарной методологии он займется всего годом-двумя позднее (если судить по дошедшим до нас источникам), и это составит основное содержание его работ «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности».

«Искусство и ответственность» также отражает культурные ориентиры молодого Бахтина, в согласии и споре с которыми будет рождаться

---

²⁶ Комментарий, 347-351.

его собственная позиция. Это, прежде всего, Иммануил Кант и неокантианцы (с их лозунгом «назад к Канту!» прочь в особенности от Гегеля), а также «философия жизни» (В. Дильтей, А. Бергсон, Г. Зиммель и др.)²⁷: от них он унаследует интерес к проблеме культуры и жизни, к вопросам методологии науки. По возвращении в 1924 году в Ленинград и воссоединении с другими участниками Невельской школы Бахтин даже прочтет о кантовской философии небольшой цикл лекций, известный по записям Л.В. Пумпянского²⁸. Одной из магистральных тем, обсуждаемых в этих лекциях, становится отношение Канта к «положительной» (естественной) науке в со- и противопоставлении ее с философией (отдельно этому посвящена «3-я лекция М<ихаила> М<ихайловича>»). По мысли Бахтина, Кант не делает науку опорой своей философии (что сделало бы из философии производную от нее), черпая из нее факты, он делает саму ее, науку, проблемной, поскольку «исход из факта не есть опора на факт» (Лекции, 334); на этом тезисе, судя по нескольким повторениям его в конспектах Пумпянского, Бахтин настаивал особо. Кантовскую ориентацию на естествознание и математику Бахтин называет «проблематизацией» положительной науки и притом — «имманентной, т.е. обоснованной в самом научном познании, вследствие чего философия есть рефлексирование науки о самой себе; нет постороннего трибунала» (Лекции, 334). Бахтин подчеркивает, что у Канта проблематизируется как самостоятельный феномен именно наука, а не, например, человеческое восприятие.

Любопытно, что через некоторое время, а точнее, в 1926 году в журнале «Человек и природа» за подписью Ивана Ивановича Канаева, биолога, человека из так называемого «круга Бахтина», публикуется статья под названием «Современный витализм». В дискуссиях о спорных текстах Бахтина («девторобахтинских», по изобретательному определению С.С.

---

²⁷ см. подробнее в Комментарий.

²⁸ в собрании сочинений — Т.1, с. 330-342.

Аверинцева) часто звучал аргумент²⁹, что не мог один человек иметь глубокие познания в столь различных областях, как литературоведение, право, лингвистика, философия, биология. Из них всех биология казалась самой неправдоподобной. Однако «Современный витализм» — единственный текст «Бахтина под маской», несомненно принадлежащий его перу, поскольку на авторство Бахтина указал много позднее сам Канаев. По его воспоминаниям, он лишь снабдил автора специальной литературой и способствовал изданию статьи³⁰. Ее основным сюжетом является критика идей видного представителя философии витализма, биолога Ганса Дриша (1867–1941), а завершается она неожиданным славословием диалектическому материализму в русле недвусмысленных требований наступившей эпохи. Причины, побудившие Бахтина взяться за, казалось бы, столь чуждую ему тематику, носили, по-видимому, бытовой характер: он бедствовал и остро нуждался в деньгах. Но в беседе с С.Г. Бочаровым И.И. Канаев также прибавлял, что «М.М. взялся за эту работу, потому что «интересовался этими вопросами»»³¹.

Несмотря на в целом полемический сюжет данной критической статьи о Дрише, особенно любопытным является ее начало — посвященное, ни больше ни меньше, конечным целям биологии как науки и ее конституирующему методу. Заметим, что середина 1920-х гг. — это время рождения и развития ключевых идей и понятий теории Бахтина, время создания «Автора и героя в эстетической деятельности», «К философии поступка» и «К вопросам методологии эстетики словесного творчества». Согласно комментарию к собранию сочинений, работа «К философии поступка» создавалась в период с 1918 по 1924 гг., вероятнее всего, в 1922; «Автор и герой в эстетической деятельности» — в начале 1923 — весной

---

²⁹ см.: «Мы должны узнавать в обратных направлениях...» (Стенограмма докторской защиты В.Л. Махлина). С. 137-192.

³⁰ Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 478.

³¹ Там же.

1924 г., но тематика ФП и АГ остается особо актуальной для Бахтина и середины 1920-х гг. Все вышесказанное значит, что те самые работы, в которых Бахтин формулирует основания гуманитарного знания, создаются в контексте размышлений о методах и целях его «антипода» — естественных наук. По этой причине философские «пролегомены» к критике одной биологической концепции, будучи написанными философом-филологом, следует рассматривать на фоне антитезы «гуманитарное/естественнонаучное». Отметим несколько примечательных моментов этой статьи.

Бахтин открывает ее вопросом: «Что есть жизнь?» Вопросом, с бахтинской точки зрения вполне закономерным, поскольку как сама научная дисциплина (биология — от греч. *bios* — «жизнь» и *logos* — «слово, учение»), так и рассматриваемая ее философская экспликация (витализм — от лат. *vita* — «жизнь»), фактически имеют именно «жизнь» своим непосредственным предметом. Констатируя, что на данном этапе развития биологии дефиниция ее основополагающего понятия находится (кто-то может добавить — всего лишь) в стадии дискуссии, Бахтин постулирует важный тезис. По его мысли, отсутствие внятного определения предмета исследования является не недостатком научной дисциплины, но просто ее нормальным рабочим состоянием, поскольку «полное ценностное определение предмета отдельной науки — есть ее постоянная цель и движущая сила»³².

Читающий статью филолог не может не задуматься над этими строками. Разве филология, «любовь к слову», вплоть до настоящего момента (2016 год) не бьется мучительно над фиксацией границ своего изучения? Разве на этом основании в XX веке пределы ее компетенции не раздвигали до потери надобности в них (постструктурализм) и не сужали до бесчисленных «комментариев к комментарию комментария»? Достаточно вспомнить, сколько попыток дефинировать слово «литературность», более

---

³² Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Изд-во «Лабиринт», 2000. С. 48.

или менее удачных, знала история филологии, чтобы оценить значение этого почти манифестационного тезиса, который в общем ходе рассуждений Бахтина в статье выглядит тем не менее вполне доказательно.

Вопрос о предмете науки логично перетекает в вопрос о ее методе. Здесь важно и то, что такие вопросы Бахтин задает в первую очередь, и то, как именно он это делает. Метод ставится им в непосредственную зависимость от вопроса о цели — о том, что же исследователь хочет найти. Он в категорической манере критикует идею «нейтрального» метода, то есть такого, который хочет подойти к задаче без вполне определенных ожиданий относительно возможных результатов поиска, такого, который пытается элиминировать субъект поиска даже на уровне мета-методологическом: «Нельзя сказать: ищите и причинной необходимости, и целесообразности, и физико-химических, и жизненных сил; что удастся найти, то и будет хорошо; ведь это то же самое, что сказать: ничего не ищите»³³. И далее:

Ученый не может не быть активным (курсив мой. — И.А.): ответ дает объективная действительность природы, но вопрос ставит он сам... Метод в науке и есть не что иное, как основное направление в постановке вопросов (*разрядка Бахтина/Канаева. — И.А.*)³⁴.

По аналогии с дебютным выступлением Бахтина в печати приведенный фрагмент можно назвать «Наука и ответственность». Эта же проблематика — «науки и ответственности» — на наш взгляд, является одной из ключевых в раннем творчестве Бахтина. Чисто бахтинское «словечко» из совершенно иной области его научных интересов — «активный» — узнается безошибочно. Оно часто употребляется им, например, в работе «К философии поступка», притом в близком, если не сказать тождественном, понимании. Активность субъектно-конкретна, она всегда исходит от

---

³³ Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. С. 47.

³⁴ Там же.

человека-деятеля и связана с той осознаваемой ограниченностью, которая приобретается выбором одной из множества возможностей. В известном смысле она осуществляется через своеобразное определение себя, вместе с которым начинается и определение предмета изучения: «Не заняв определенной позиции, нельзя вести и научного исследования»³⁵. Примечательно и замечание Бахтина относительно метода (методологии) научного изучения. Метод не есть нечто субстанциальное, предзаданное предмету, поскольку вопроса как такового задать нельзя, он всегда будет вопросом «о чем-то». Иными словами, метод всегда конкретен и определен в двустороннем порядке — как исследователем, так и предметом. В иерархически подчиненном положении по отношению к методу стоят методика и техника исследования. Над методом, обуславливая его, стоит практическая цель — исследование законов, управляющих явлениями (это, конечно, общее место). А над ней в свою очередь стоит «цель целей» — «утвердить господство человека над данными явлениями»³⁶. Таким образом, в бахтинской интерпретации основополагающих проблем науки все начинается с человека и человеком же заканчивается.

Scientia, самое достоверное из человеческих знаний о мире, кажется понятием, чье содержание, в отличие от многих других, не зависит ни от интеллектуальных мод, ни от господствующих в философии направлений; иначе говоря, то, что рациональность тоже исторична, редко осознается даже теми, кого можно назвать «жрецами ratio», — учеными. Не приходится сомневаться в том, что для Бахтина, во многом наследовавшего неокантианцам и И. Канту³⁷, проблемы методологии науки имели немаловажное значение. В первой половине XX века, как пишет известный

---

³⁵ *Бахтин М.М.* Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. С. 48.

³⁶ Там же.

³⁷ об увлечении Бахтина Кантом в начале 1920-х гг. см. также: *Махлин В.Л.* Невельская школа. Круг Бахтина // М.М. Бахтин: pro et contra. Т.1. СПб.: изд-во РХГИ, 2002. С. 122-326.

отечественный философ П.П. Гайденко в работе «Научная рациональность и философский разум», «наука выступала как образец рациональности»³⁸. Тот специфический тип рациональности, который сохраняет свое значение и до настоящего момента, зарождается с началом Нового времени и получает окончательное оформление к XVII-XVIII вв.³⁹; эпоха Просвещения, время культа разума, стала выразителем многих имплицитных устремлений интеллектуальной революции XVI века.

Одной из основополагающих черт новоевропейской рациональности является ее скрытая ориентация на механицизм, приведшая к полному устранению с научного горизонта понятия цели⁴⁰. И если поначалу представление о цели было смещено в область метафизики, на тот момент (XVII век) вполне легитимной части интеллектуального пространства, то по мере вытеснения метафизики в маргинальные области культуры оно исчезло из поля зрения разума почти полностью. В конце XVIII века дихотомия «физика versus метафизика» сменяется дихотомией «наука versus этика», которая затем (к концу XIX — началу XX вв.) перерождается в противопоставление «науки о природе versus науки о культуре».

Природа и культура, точнее, науки, их изучающие, чем дальше, тем резче размежевывали сферы «влияния»: природа стала считаться царством необходимости, в то время как культура была сферой свободы; в первом случае исследовали причинно-следственные связи, во втором — эксплицировали человеческие ценности; для изучения природы пользовались объяснением (выяснением причин), для изучения культуры — пониманием (раскрытием целей) (противопоставление объяснения и понимания в познании идет от В. Дильтея); наконец, вопрос о смысле повсеместно

---

³⁸ Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 10.

³⁹ Там же. С. 14-15.

⁴⁰ См. об этом подробнее главу «Механицизм и принцип целесообразности» в работе: Гайденко П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 456 с.

существовал только в пространстве культуры, тогда как относительно природы даже не мог быть поставлен.

Эти бегло упомянутые факты истории науки отражают процесс разделения человеческого знания на гуманитарное и естественнонаучное — разделения, в наши дни воспринимаемого, как очевидное и неоспоримое. В стремлении дистанцироваться от противоположной стороны каждая из ветвей обретала свою специфику, а водораздел между ними проходил по человеку: между свободой и детерминизмом, ценностно-ориентированным и нравственно-индифферентным, логически доказуемым и постулируемым.

Это расщепление, раздвоение мысли с подчеркнутой остротой выразил выдающийся физик, лауреат Нобелевской премии 1932 года, один из отцов квантовой механики Эрвин Шрёдингер (1887–1961). Кровно заинтересованный в будущих успехах естествознания, Шрёдингер уделил немало внимания проблемам философии науки. В работе 1956 года под названием «Разум и материя», которая представляет собой сборник его лекций, прочитанных в Тринити-колледже (Кэмбриджский университет), он указал на одну из «вопиющих антиномий» современного способа мысли — то, что создаваемая на строго научных (сциентичных) началах картина мира «лишена цвета, холодна и нема»⁴¹. Или, как он высказался несколько ранее: «Мы не принадлежим той картине мира, которую наука создает для нас»⁴². «Нашим», то есть тем, что определяет человека в качестве человека, Шрёдингер называет то, что принадлежит ценностному плану бытия: представления о хорошем и плохом, красивом и уродливом, боли и радости⁴³. И, может быть, самое главное — научная картина реального мира не дает представления о целом, а по меткому наблюдению С.С. Аверинцева,

---

⁴¹ Шрёдингер Э. Разум и материя. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. С. 39.

⁴² Он же. Природа и греки. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. С. 76.

⁴³ Там же.

человек — это существо, которое, во-первых, по определению имеет идею целого и даже слова для выражения этой идеи — то *παν*, *Universum*, *das All*, «мироздание» и прочая, и притом так, что его человеческая сущность радикально обусловлена серьезностью, каковую эти слова и эта идея для него имеют⁴⁴.

Создавшееся положение, считает Шрёдингер, нельзя исправить в один момент, поскольку обусловившие его причины лежат в глубоко укоренившихся интеллектуальных «привычках», сформированных, что обнаруживают его специальные историко-научные разыскания, еще древними греками. Два мыслительных принципа, некритически унаследованные следующими поколениями, а потому бессознательно столетиями воспроизводимые, сделали возможным появление на свет *scientia* и ее грандиозных успехов. Шрёдингер называет их «принципом постижимости» и «принципом объективации (исключения)». Как будет видно из дальнейшего их описания, эти принципы носят характер аксиом, то есть таких положений, из которых можно только исходить, но прийти к ним логически невозможно. Они являются фундаментальным допущением, без которого научное постижение мира не могло бы происходить.

«Принцип постижимости» формулируется следующим образом: «мир вокруг ... есть нечто, *что можно понять (курсив Шрёдингера. — И.А.)*, если только взять на себя труд наблюдать его должным образом»⁴⁵. Эта весьма неочевидная предпосылка, на самом деле, предшествует всякому исследованию, не только естественнонаучному, но и гуманитарному — чего нельзя сказать о втором принципе, конституирующем уже *scientia* как таковую.

---

⁴⁴ *Аверинцев С.С.* К дефиниции человека [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова. URL: http://krotov.info/library/01_a/ve/rinzev_005.htm (дата обращения: 01.05.2016).

⁴⁵ *Шрёдингер Э.* Природа и греки. С. 47.

Суть «принципа объективации» заключается в том, что построение приемлемой научной картины мира осуществляется за счет исключения из изучаемого мира самого субъекта познания⁴⁶. Таким образом, субъективность субъекта познания элиминируется не только ради достоверности и общезначимости установленных им сведений, она не считается присущей ему вообще. Наука, конечной целью которой является выявление закона, интересуется повторяющимся, закономерным, рядовым (в скобках заметим, что, вероятно, единственным исключением является космология, которая рассматривает уникальный объект — Вселенную) или стремится представить нечто таковым. Неудивительно, что субъективность, то есть уникальность видения, с подобного ракурса представляется недоразумением в стройных рядах подчиненных общим законам явлений.

Однако реконструируемая без учета субъективного плана бытия научная модель мира оказывается совершенно «бесчеловечной» — и на уровне субъекта познания (ср. у М. Бубера: «Познавая, человек остается непричастен миру. Потому что знания локализуются «в нем», а не между ним и миром»⁴⁷), и на уровне его предмета. В нем не обнаруживается и следа чисто человеческого (но не «слишком человеческого») — вот в чем пафос шрёдингеровских лекций 1940-50-х годов. И в этом смысле Бахтин, который науку считает делом ответственным (в своем особом нетривиальном смысле), не столько описывает наличествующее положение вещей, сколько со стороны философии почти манифестационно указывает долженствующее, заодно обнажая и собственные методологические ориентиры.

Хотя известно, что начало работы «К философии поступка», где, среди прочего, вполне возможно, назывались ее задачи, было утеряно (первые восемь листов)⁴⁸, нельзя не обратить внимание на то, что уже во втором абзаце сохранившегося текста (то есть в любом случае в первую

---

⁴⁶ Шрёдингер Э. Разум и материя. С. 38.

⁴⁷ Бубер М. Я и Ты / пер. с нем. Ю.С. Терентьева, Н. Файнгольда. М.: Высшая школа, 1993. С.7.

⁴⁸ Комментарий, 354.

очередь) Бахтин размышляет о «дискурсивном теоретическом мышлении (естественнонаучном и философском)» — точнее, о его недостатке, который он видит в разъединении между «содержанием-смыслом данного акта-деятельности» и «исторической действительностью его бытия», то есть между субъективной, личностной областью поступка и объективирующей, внеличной областью «науки, искусства, истории» (ФП, 7).

Рассмотрим, во-первых, то, как Бахтин здесь именуется объект своего изучения: «содержание-смысл» «акта-деятельности». И в том, и в другом случае мы видим термины-гибриды, самим своим видом демонстрирующие родовые муки рождения нового языка «первой философии»: если слова «содержание» и «акт» называют нечто во внешнем, «объективирующем» плане, то «смысл» и «деятельность» служат обозначением ровно того же самого, только в плане субъективном и личностном. «Единый план» (ФП, 8), который, по мысли Бахтина, должен быть обретен даже не отдельным актом, но, что ясно из масштаба задачи, самим сознанием, не станет некой общей территорией, на которой установится дурное неразличение нравственного и научного, конкретного и отвлеченного, не станет и дополнительной «нейтральной» территорией, где они взаимно аннигилируют. Обретение единого плана означало бы обретение некоего медиатора, устанавливающего между «внешним» и «внутренним» подходами доселе отсутствующее взаимодействие.

Но поскольку эти два плана — не две системы отсчета, их нельзя «пересчитать» одну в другую, и не два языка, слова которых можно без потерь взаимно переводить. Сложность состоит как раз в том, что, пользуясь в известных пределах лингвистической аналогией, эти два плана находятся как бы в состоянии «диглоссии», существующей в свете императива преодоления, о неотложной необходимости которого и пишет со своих позиций Э. Шрёдингер.

Совершив «акт отвлечения» (ФП, 11) в искусстве или науке, мы входим в пространство закона, где нас нет — как индивидуально-ответственных: «Оторванным содержанием познавательного акта овладевает

имманентная ему законность, по которой оно и развивается как бы самопроизвольно». Объективирующий план, став совершенно самодостаточным, обретает свою, не имеющую отношения к человеку логику развития, «несмотря на то, что уже давно уклонился от осмысливающей его [имманентный закон развития] культурной цели». Себе довлеющая объективация, оторванная от «единственного единства» жизни и ведущая к чистой техничности — это «безответственная и страшная сила» (ФП, 12), констатирует Бахтин.

Не менее определена и оценка Бахтиным перспективы преодоления дуализма познания и жизни на путях теоретизма: он считает их «совершенно безнадежными» (ФП, 11). Вне зависимости от конкретной проблемы, исследуемой им в том или ином фрагменте его ранних работ, красной линией через все тематические блоки проходит узнаваемая мысль: «отвлеченно-познавательная точка зрения лишена ценностного подхода» (АГ, 198); «познание индифферентно к ценности и не дает нам конкретного единственного человека» (АГ, 155).

«Ответственность», «ценность» и «единственность» — вот в «первой философии» Бахтина три характеристики, главным образом определяющие собственно человеческое. Мы берем эти слова в кавычках потому, что каждое из них в бахтинском лексиконе имеет значение, отличное от словарного; эти сознательно введенные смысловые обертоны, которые становятся доминирующими и в конечном счете определяют семантический облик слова в бахтинских текстах, лучше всего демонстрируют тенденцию, в русле которой Бахтин преобразует слова, вводя их в инструментарий собственного терминологического аппарата.

Эти три бахтинские характеристики человеческого никоим образом не могут быть вписаны в научную картину мира, появившуюся, как считает Шрёдингер, за счет тотального забвения субъекта и его неотчуждаемых свойств. Всякий раз, когда мы говорим об уникальном, исключительном, исследование перешагивает из области поиска законов, конкретные проявления которого в научном отношении имеют гораздо

меньшую важность, к описанию того единственного в своем роде, что никаким законом не объясняется. В этом смысле считать, что в словосочетании «гуманитарные науки» слово «наука» значит то же, что и в выражении «естественные науки», конечно, нельзя. Однако совершенно вывести область гуманитарного познания за пределы широко понимаемого «научного пространства» также невозможно. Это внутреннее противоречие хорошо осознавалось старшим современником М.М. Бахтина, человеком, который сделал очень многое для того, чтобы филология обрела статус науки, академиком А.Н. Веселовским. Свою статью «История или теория романа?» он завершает знаменательными словами:

Процесс личного творчества «покрыт завесой, которой никто никогда не поднимал и не поднимет» (Шпильгаген); но мы можем ближе определить его границы (*разрядка Веселовского. — И.А.*), следя за вековой историей литературных течений и стараясь уяснить их внутреннюю законность, ограничивающую личный, хотя бы и гениальный почин⁴⁹.

В данном случае указанное противоречие относится к ведению того, что выше было названо «первой филологией», компетентной как раз на уровне мета-методологическом, то есть имеющей дело с тенденцией постановки субъектом познания вопросов к изучаемому предмету, если пользоваться формулировками Бахтина из статьи «Современный витализм».

Едва ли справедливым будет сказать, что Бахтин в рамках первой философии или первой филологии полностью разрешает эти противоречия, создавая определенную концепцию. Его нелюбовь к концептуализированию как созданию «срединного пути», который сглаживает острые углы, хорошо известна. Как пишет С.Г. Бочаров, «проблемность он явно предпочитал концепции <...> и его главные книги

---

⁴⁹ *Веселовский А.Н. История или теория романа? // Веселовский А.Н. Избранные работы. Л.: Художественная литература, 1939. С.22.*

«торчат» как проблемы, не приведенные к наглядному единству»⁵⁰. Не стоит воспринимать эти слова слишком буквально, как и другую знаменитую автохарактеристику Бахтина, данную в беседах с В.Д. Дувакиным: «Я философ. Я мыслитель»⁵¹. Уточнение «философа» до «мыслителя», предшествующее тому признанию, что он скорее «философ, чем филолог», и явное предпочтение проблемы концепции, на наш взгляд, свидетельствуют о верности Бахтина одной и той же внутренней логике. Таким образом он не только определяет себя и свое место среди разнообразных традиций европейской философии, выбирая путь, проторенный С. Кьеркегором, продолженный В. Дильтеем и т.д.⁵²; но что существеннее, Бахтин одновременно как бы выносит себя из области институционализированной философии вообще, отказывается от искусственного упорядочивания собственной мысли и претензий на построение единой философской системы, красиво и в себе логично отвечающей на все заданные и заданные вопросы. Например, Бахтину, если позволителен невольный каламбур, не было дела до *всего*, но было дело до *целого*. К нему в известной степени приложима его собственная «похвала» Канту, о которой мы упоминали ранее: подобно Канту, Бахтин проблематизировал науку и особенно гуманитаристику, что не могло, конечно, осуществляться системно.

В частности, Бахтин, как нам кажется, с небывалой остротой поставил вопрос о соотношении внешнего и внутреннего подходов, субъектно-объектных взаимоотношений в гуманитарной науке. То, что кажется лишь частным делом философии (одним из многих других), на самом деле является основополагающей проблемой «эстетики словесного творчества», что наглядно демонстрирует Бахтин в работе «Автор и герой в эстетической деятельности». Хотя вектор взаимозависимости должен быть изменен: рассматривая проблему взаимодействия автора, героя и читателя,

---

⁵⁰ Бочаров С.Г. Событие бытия. М.М. Бахтин и мы в дни его столетия. С. 510-511.

⁵¹ Бахтин М.М. Беседы с В.Д. Дувакиным. М.: Согласие, 2002. С.47

⁵² см. комм. к этому высказыванию в статье: Махлин В.Л. Тоже разговор // Вопросы литературы. 2004. №3. С. 3-45.

чисто филологическую по своей сути, Бахтин, захватывая все более и более широкие контексты, поднимается на уровень проблематизации гуманитаристики и науки в целом.

В III главе «Автора и героя в эстетической деятельности» под названием «Пространственная форма героя» Бахтин, говоря о различии внутреннего и внешнего видения себя и другого, замечает, что познание (научное) стирает границу между ними путем игнорирования этого различия, как и «единственности познающего субъекта» (АГ, 116). Действительно, наука, которая реконструирует общезначимую, одинаковую и бесспорную для всех картину мира, не может учитывать «самопереживание» (слово Бахтина) каждого отдельного человека — поскольку оно уникально. Шрёдингер считает, что конструирование объекта познания — общего для всех мира — совершается путем совмещения «совпадающих областей» сознаний⁵³, и таким образом невольно *sum* (существую) каждого отдельного индивида превращается в *est* (существует)⁵⁴ естественной науки. Дополнительным и немаловажным фактором, усложняющим водворение субъекта обратно в научную картину мира, служит то, что, как пишет Шрёдингер, мы сами, точнее, наши тела, являемся частью познаваемого объекта⁵⁵. Эта проблема, стоящая остро для естествознания, еще острее в гуманитарных науках. В самом деле, можно ли выйти, устранившись из языка, из системы ценностей, из истории?

Бахтин, для которого избрание позиции в том числе и в этой системе координат есть первый шаг исследования, отвечает на вопрос, много позже поставленный Шрёдингером, при помощи рассмотрения еще более глубоких структур, нежели те, о которых пишет выдающийся физик.

Фундаментальной дихотомией, лежащей в основании любого человеческого действия, Бахтин считает дихотомию «я — другой». Самой

---

⁵³ Шрёдингер Э. Природа и греки. С. 74; аналогичное высказывание — с.60.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Шрёдингер Э. Разум и материя. С. 38-39.

популярной концепции из всего бахтинского творчества посвящена весьма обширная литература, но здесь данная дихотомия будет рассмотрена лишь в одном аспекте.

Только другой человек переживается мною, как соприродный внешнему миру <...> во мне [напротив] всегда есть нечто существенное, что я могу противопоставить ему [внешнему миру], именно — моя внутренняя активность, моя субъектность, которая противостоит внешнему миру, как объекту (АГ, 119).

Бахтин связывает познание с восприятием познающим я другого в качестве другого. Для этого другого возможно быть предметом акта отвлечения, обобщения, классификации — в то время как самопереживание субъекта как субъекта всегда единственно и ответственно. В отношении субъекта познания можно, несколько огрубляя, сказать, что естественные науки и строящиеся на них натуралистические концепции сознания основываются на принципе «я как другой» (см.: АГ, 184), а культура и искусство предполагают принцип «другой как я». Или, возвращаясь к шрёдингеровскому примеру (картезианского происхождения), в первом случае мы имеем *sum*, переведенное в *est*, во втором — *est*, сменившееся *sum*. Однако то, что это не два параллельно существующих плана, а модусы единого человеческого сознания, пути проявления его «активности» в конкретно-единственном бытии, кардинальным образом изменяет суть дела.

Бахтин показывает, что обретение единого плана бытия, то есть не-распадение его на теоретически-осмысляемое и жизненно-конкретное, возможно не с помощью познания в смысле *scientia*, но на путях первой философии в ее эстетическом изводе, том, который Бахтин проработал наиболее последовательно — в словесном творчестве. Среди задач, поставленных Бахтиным перед первой филологией, рефлексия филологии над ней самой, ответственного исследователя о методологии исследования авторской ответственности, авторство, созерцание и

«геройство» — как феномены внелитературные, но наиболее репрезентативные именно в словесном творчестве.

Далее в свете «первой филологии» мы рассмотрим три ключевых «момента» текста — автора, героя и читателя. Их особая важность в контексте вышесказанного подчеркивается тем фактом, что для Бахтина эти три антропные инстанции (во второй главе будет дано объяснение и обоснование вводимого термина) являются сквозными: они существуют не только в пространстве художественного творчества, но скрепляют самые разные пласты широко понимаемой культуры. Но что, может быть, еще более важно, — играют роль того самого медиатора, который «осуществляет» единство двух давно разобщенных в интеллектуальном пространстве планов мышления и, следовательно, языка.

Глава 2. «Первая филология»: антропные инстанции текста — автор, герой, читатель — и проблемы бахтинской терминологии

В работе «Формы времени и хронотопа в романе» М.М. Бахтин писал: «От любого текста, иногда пройдя через длинный ряд посредующих звеньев, мы в конечном счете всегда придем к человеческому голосу, так сказать, упремся в человека»⁵⁶. Хотя эти строки принадлежат зрелому периоду научного творчества Бахтина, в них высказывается исследовательская установка, реализуемая уже в самых ранних его текстах. Этот момент был подмечен самыми первыми их читателями — будущими текстологами и редакторами бахтинского собрания сочинений, один из которых — С.Г. Бочаров — и дал названия оставшимся без них фрагментарным новонайденным произведениям; как в заголовке «К философии поступка», так и в заголовке «Автор и герой в эстетической деятельности» подчеркивается, что в текстах внимание фокусируется именно на осуществлении человеком себя в качестве субъекта. При этом мы видим, что в них сочетается философская, экзистенциальная и эстетико-филологическая проблематика, формирующая у Бахтина и соответствующую методологию.

Собственный исследовательский метод Бахтин создает в том числе и в полемике со *scientia*, с естественнонаучным подходом к действительности, экспансивно расширяющимся за счет включения в зону своего влияния неподвластных ему областей знания — например, гуманитаристики. Бахтин же не просто ставит под сомнение правомочность такого расширения, он прямо указывает на невозможность изучения проблемы человеческого и непосредственно связанных с ним сфер жизни

---

⁵⁶ *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т.3: Теория романа (1930—1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. С. 498.

методами, разработанными на материале, имеющем принципиально отличный характер.

В работе «Автор и герой в эстетической деятельности» Бахтин пишет:

Проблема души есть методологическая проблема эстетики, она не может быть проблемой психологии, науки безоценочной и казуальной, ибо душа, хотя и становится во времени, есть индивидуальное, ценностное и свободное целое (*подчеркнуто мной. — И.А.*) (АГ, 176).

«Проблема души» или, что то же, проблема собственно человеческого, Бахтиным обозначается как принципиально не подлежащая изучению сквозь призму причинно-следственных связей и «объективных», то есть как раз исключаящих все не-закономерное и не-общезначимое, методик. Подобно Вильгельму Дильтею, Бахтин — заметим, что именно с точки зрения подхода — причисляет психологию к наукам естественного направления, хотя она и претендует на то, что непосредственным предметом ее изучения является душа (психология — от греч. *psyche* «душа» и *logos* «учение»). Однако, подчеркивает Бахтин, с помощью «безоценочной и казуальной» методологии невозможно сказать что-либо о душе как уникальном, индетерминированном и ценностно-ориентированном предмете. Как писал Н.А. Бердяев в трактате «Философия свободы», «свободу нельзя ни из чего вывести, в ней можно лишь изначально пребывать»⁵⁷. Поэтому то, что из свободы можно только исходить, исключительно значимо для Бахтина как исследователя, который рассматривает собственно человеческое с точки зрения его важнейших свойств, таких как ответственность, единственность и ценность: из цепи причинно-следственных зависимостей нельзя выйти к ни от чего не зависящему, в полном смысле свободному, равно как нельзя,

---

⁵⁷ Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. С.7.

оставаясь на позициях внеценностного похода, обосновать необходимость тех или иных ценностей.

Ответственность также, по Бахтину, никак не связана с зависимостью и вынужденностью. Истолкование бахтинского значения понятия «ответственность», с одной стороны, должно проходить в связке с истолкованием понятий «единственность» и «ценность» как взаимно обуславливающих друг друга, а с другой, с непременным обоснованием во внутренней форме самого слова. «Ответ» или даже «отдача» не имеют ничего общего с логической или любой другой принудительностью и возможны только постольку, поскольку осуществляются как свободное деяние. Ответственность напрямую связана с включенностью в жизнь, в становящееся, но никогда не установленное бытие конкретного и единственного человека. Этим словом Бахтин обозначает ту связь, «пуповину», которая существует между (если в этом случае вообще возможно говорить о некоем «между») «живой жизнью» (выражение Ф.М. Достоевского) и живым человеком. Ответственность является таким критерием, по отношению к которому нельзя занять нейтральную позицию и нельзя уклониться. Занятие человеком ответственной позиции составляет суть важнейшего бахтинского концепта «не-алиби в бытии». Ответственность также то понятие, которое фактически является конституирующим как для первой философии, так и для первой филологии: пересечение границы между жизненным и абстрактным, конкретным и теоретическим есть именно *ответственный* шаг, избрание позиции, изменение заданных и самих в себе значимых ценностей на незаданные и действительно значимые. «Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности» (ИО, 6), — так завершает Бахтин свою программную статью «Искусство и ответственность».

Итак, перед нами Бахтин выводит ряд дихотомий, относительно которых ориентирует как метод, так и предмет своего исследовательского внимания. Проблема собственно человеческого, таким образом, была им определена внутри следующих координат: свобода и необходимость,

ценность и внеценность, уникальность и закономерность, жизнь и ее теоретическое осмысление. И точно так же его подход к этой проблеме методологически формируется не только в притяжении к одному из полюсов, но и не в меньшей степени в сложном отталкивании от другого. Бахтин называет это эстетикой не только словесного, но и художественного творчества в целом. Более того, поскольку эстетическое видение возможно и вне искусства (см., напр.: АГ, 246), изучаемого «специальной эстетикой», эстетика в широком смысле охватывает всю область человеческой деятельности как именно человеческой, которая всегда, прежде всего, ценностно-ориентирована и ответственна: «Человек есть условие возможности какого бы то ни было эстетического видения, все равно находит ли оно себе определенное воплощение в законченном художественном произведении или нет» (АГ, 85).

При этом эстетика в специфически «снятом» (в гегелевском смысле) и преобразованном виде использует методы получения достоверного и общезначимого знания — поэтому неверно было бы думать, что, противопоставляя ее естественнонаучному подходу, Бахтин словно бы «бросается» в порыве безответственного негативизма в безосновательное и алогичное визионерство. Оговоримся, что наделение эстетики столь высокими полномочиями также не имеет никакого отношения к апологии чистого эстетизма⁵⁸. «Соблазн эстетизма» (ФП, 21), по Бахтину, столь убедителен потому, что эстетизм является неполноправным и постольку искажающим, доводящим подлинное до абсурда продолжением эстетического бытия. Образно выражаясь, эстетизм — это «самозванец» эстетического бытия. Перенимая определенные внешние признаки, он по внутренним установкам представляет собой его полную противоположность,

---

⁵⁸ см. противоположную точку зрения в работе: *Калыгин А.И.* Ранний М. Бахтин. Эстетика как преодоление этики. Эго-персонализм, лирический герой и единство эстетических теорий. М.: РГО, 2007. 129 с. С тезисами этой работы мы категорически не согласны по причине их вульгарно-психологической трактовки ранних работ Бахтина.

прежде всего, по признаку ответственного (в бахтинском смысле) отношения к действительности:

Эстетическое творчество преодолевает познавательную и этическую бесконечность и заданность тем, что относит все моменты бытия и смысловой заданности к конкретной данности человека — как событие его жизни, как судьбу его (АГ, 87).

Именно ответственного отношения и не знает эстетизм, поскольку имеет дело с маской, личиной, а не органически вырастающей из конкретно-единственной жизни экзистенциальной позицией.

Противопоставляя эстетическое бытие, с одной стороны, эстетизму, с другой — сциентически реконструируемой картине мира, Бахтин тем самым в плане собственно человеческого противопоставляет человека как человека Сцилле самопародирования и Харибде самоотрицания.

Итак, проблема собственно человеческого у Бахтина есть эстетическая проблема. Избирая эстетику в качестве той области знания, которая способна дать адекватное описание человеческого в человеке, Бахтин поясняет: «Эстетическое бытие ближе к действительному единству бытия-жизни, чем теоретический мир» (ФП, 21). Подобным же образом можно сказать, что человек, каким его представляет эстетика, ближе живому, поступающему, всегда конкретному человеку единственного бытия-события, нежели обобщенному условному «*homo sapiens*» сциентистского подхода. Последний лишен всех собственно человеческих свойств, поскольку является элементом такой реконструкции картины мира, которая стала возможна за счет исключения, игнорирования всего сугубо личностного, субъективного. Условный «*homo sapiens*» есть продукт методологии, по умолчанию исходящей из того, что значимостью обладает лишь объективное, объективированное, а то, что объективации не поддается (например, индивидуальное самопереживание), может быть отброшено как частность.

Здесь следует отметить, что необычно отнюдь не только рассмотрение, повторимся, проблемы человеческого в контексте эстетики. Не

менее знаменательным представляется и то, что является как бы обратным этому утверждением, а именно — то, что в художественных произведениях и литературных текстах Бахтина интересует прежде всего их человеческое измерение. Действительно, подробной разработке соответствующей проблематики в художественном произведении посвящена целиком работа «Автор и герой в эстетической деятельности», что нашло свое отражение как в приведенном редакторском, так и в утерянном и обретенном авторском заголовке — «Герой и автор в художественной деятельности». В том, что проблема собственно человеческого ставится во главу угла, трактат об авторе и герое, бесспорно, наследует магистральной линии работы «К философии поступка». Однако в «Авторе и герое» эта проблема приобретает особый характер.

Специфика рассмотрения проблемы собственно человеческого в контексте эстетики обусловлена вышеупомянутым «длинным рядом посредующих звеньев» между текстом и самим человеком. В бахтинском и отчасти «девторобахтинском» (например, в «Формальном методе в литературоведении» В.Н. Волошинова) творчестве не единожды в самых разнообразных формулировках указывается на то, что прямого выхода из эстетического пространства в конкретную действительность нет (как и наоборот). И даже наиболее «человеческие» из всех текстовых инстанций, каковыми являются автор, герой и читатель, нам по понятным причинам не представляется возможным прямолинейно определить как людей. А между тем, если всерьез воспринять тезис о смысловом единстве и общности проблематики работ «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности» — проблематики собственно человеческого — тогда отсутствие этой возможности предстанет как определенный методологический вызов.

Осознавая всю рискованность введения нового термина, мы тем не менее убеждены, что факт рядоположенности автора, героя и читателя как самых «человеческих» моментов текста должен быть зафиксирован в языке описания. Поэтому мы предлагаем ввести термин «антропные инстанции

текста», который бы послужил своеобразным гиперонимом для автора, героя и читателя; в таком качестве он нам представляется наиболее адекватным подразумеваемым под ним эстетическим реалиям.

Слово «антропный», насколько нам известно, не было специально дефинировано в отечественном научном пространстве и вообще не употреблялось отдельно, вне словосочетания «антропный (космологический) принцип (АКП)» («the Anthropic Cosmological Principle»). Предложенный английским физиком и математиком Брэндоном Картером в 1973 году, этот фундаментальный принцип космологии имеет на данный момент четыре различных модификации определения⁵⁹. В самом общем виде Картер представил его следующим образом: «То, что мы ожидаем наблюдать, должно быть ограничено условиями, необходимыми для нашего существования как наблюдателей»⁶⁰. Как становится ясно из этой формулировки, антропный принцип фиксирует связь между фундаментальными параметрами Вселенной и существованием человека, поскольку для его появления в ней должны были сложиться весьма специфические условия — и сложились. Исходя из этого, вне контекста космологии слово «антропный», по нашему мнению, может быть дефинировано как «предполагающий человека». Собственно, именно такими, предполагающими человека, текстовыми инстанциями являются автор, герой и читатель.

Уже из того, как Бахтин ставит проблему в «Авторе и герое в эстетической деятельности» ясно, что антропные инстанции суть «опрокидывание» в литературную теорию проблематики собственно человеческого, поэтому тонкая и подробная их разработка Бахтиным в данной работе является естественным продолжением исследования, начатого в работе «К философии поступка», а до того манифестационно возвещенного

---

⁵⁹ см. подробнее: *Павленко А.Н.* Антропный принцип: истоки и следствия в европейской научной рациональности // *Философско-религиозные истоки науки* / отв. ред. П.П. Гайденко. М.: Мартис, 1997. С. 178-218.

⁶⁰ *Казютинский В.В.* Антропный принцип // *Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.- науч. фонд. Т.1.* М.: Мысль, 2010. С. 131.

в статье «Искусство и ответственность». Правомерность подобного вывода подтверждается свидетельством самого Бахтина:

Человек — организующий формально-содержательный центр художественного видения, притом *д а н н ы й ч е л о в е к* (*разрядка Бахтина. — И.А.*) в его ценностной наличности в мире (АГ, 245).

Это определение Бахтина, с такой легкостью наводящее мост между эстетической теорией и конкретно-единственной жизнью данного человека, в полном смысле принадлежит той области гуманитарной мысли, которую мы выше назвали «первой филологией». В нем Бахтин концентрирует свое внимание на, казалось бы, самоочевидном факте — что культура, художественное творчество и жизнь имеют своим источником человека. Однако заслуга Бахтина не в том, что этот факт он просто теоретически осмысляет, но в том, что в буквальном смысле превращает его в собственный методологический принцип, точнее, мета-методологический.

Поэтому мы видим, что так как автор, герой и читатель — антропы, то есть каждая из этих инстанций предполагает человека, Бахтин рассматривает взаимодействие между ними как один из модусов человеческих взаимоотношений, которые в свою очередь всеми своими бесчисленными изводами восходят, по Бахтину, к фундаментальной оппозиции «я—другой». Это противопоставление носит далеко не только умозрительный характер, обозначая бесплотных наблюдателя и наблюдаемого или субъекта и объекта, хотя, разумеется, это занимает немаловажное место. В работе «Автор и герой в эстетической деятельности» Бахтин, например, среди прочего представляет развернутую феноменологию телесности, что, на наш взгляд, довольно необычно для работы, ориентированной в большой степени на литературоведческую тематику, а не на визуальные искусства. Бахтин уделяет немало своего внимания исследованию самоощущения субъекта во времени и пространстве, а также разнице в восприятии их для себя и относительно другого. Но несколько

огрубляя для наглядности, действительно, даже можно сказать, что автор — это антропная экспликация позиции «я», а герой — позиции «другой»; автором представлена антропная субъектность, в то время как героем — антропная объектность.

Автор же субъектен по самой природе своего нарицательного имени. Как пишет С.С. Аверинцев в статье «Авторство и авторитет», слово «автор» (по-латински — *auctor*) восходит к глаголу «*augeo*» с широчайшим спектром значений. С точки зрения грамматики, «*auctor*» — это *poen agentis*, то есть существительное, образованное от глагола, которое обозначает деятеля, инициатора или отправителя действия⁶¹. В данном случае,

augeo — действие, присущее в первую очередь богам как источникам космической инициативы: «приумножаю», «содействую», а также и просто «учиняю» — привожу нечто в бытие или же увеличиваю весомость, объем или потенцию уже существующего⁶².

«*Auctor*» обладает «*auctoritas*» (авторитет) — специфическим свойством, которое он реализует всякий раз, когда действует и поступает именно в качестве *auctor*'а. «*Auctor* — тот, кто полномочен и правомочен; *auctoritas* — сама его правомочность, сумма его полномочий; но полномочия суть то, что возможно *делегировать* (*курсив Аверинцева. — И.А.*)»⁶³.

Читатель — слово, как можно заметить, нечасто встречающееся на страницах ранних работ Бахтина. С одной стороны, это вполне объяснимо: в конце концов, нигде в заглавиях, будь то «К философии поступка» или

---

⁶¹ Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии [Электронный ресурс] / сост. Ж.Ж. Варбут, Журавлев А.Ф. [М.:] ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова, 1998. URL: http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf (дата обращения: 12.05.16)

⁶² Аверинцев С.С. Авторство и авторитет // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки славянских культур, 1996. С. 76.

⁶³ Там же. С. 77.

«Автор и герой в эстетической деятельности» (или даже «... в художественной деятельности»), нам не возвещают, что речь пойдет о литературе и чтении, а следовательно, и о читателе. Однако в том, что любая эстетическая деятельность в широком смысле на том или ином этапе все-таки предполагает реципиента, сомневаться не приходится. И здесь у Бахтина мы встречаемся с несколькими терминами, обозначающими, в сущности, одно и то же, — это «читатель», «созерцатель» и даже «зритель» (АГ, 247). В подавляющем большинстве случаев они используются через дефис или запятую (или союз «и») вместе с «автором», а это значит, что отдельных пространственных рассуждений о месте и роли читателя «в художественной деятельности» мы нигде в двух ранних крупных работах Бахтина не найдем. Но обратим внимание на следующий примечательный факт: все слова, которые Бахтин подбирает для обозначения реципиента, — *читатель*, *созерцатель* и *зритель* — включают в себя суффикс *-тель-* (или иначе обозначается как *-тел'-*). Суффикс *-тель-*, суффикс отглагольных существительных, одним из значений которого является обозначение деятеля, человека, совершающего какой-либо поступок или осуществляющего какую-либо деятельность⁶⁴, иначе говоря, субъекта определенного действия. Видим, что так же, как и автор, *читатель*, *созерцатель* и *зритель* — *nomina agentis*.

Таким образом, Бахтин создает весьма любопытную модель эстетического взаимодействия автора и читателя. По Бахтину, читатель не является страдательным, претерпевающим, полностью ведомым объектом реализации авторского «авторитета». Напротив, даже само обозначение непосредственной воспринимающей инстанции в работах Бахтина говорит о том, что автор как бы делится с читателем своим «auctoritas» с тем, чтобы последний мог ему «с о -творить» (*разрядка Бахтина. — И.А.*) (АГ, 214). Читатель наделен, по Бахтину, равноправной творческой активностью, формирующей наряду с авторской эстетический облик художественной

---

⁶⁴ *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: около 1900 словообразовательных единиц. М.: Астрель АСТ, 2005. С.457.

реальности произведения. То, что он не является при этом пассивным объектом определенных авторских манипуляций, подчеркнуто Бахтиным на терминологическом уровне.

Вышесказанным отчасти объясняется почти полное (весьма многозначительное) отсутствие читателя в концепции Бахтина, точнее, наличие лишь упоминаний о нем в тексте «Автора и героя в эстетической деятельности»: поскольку Бахтин исследует антропную субъектность и антропную объектность, постольку читатель, который является активной инстанцией, в этом отношении также, как и автор, антропный субъект. Автор передает читателю часть своей *auctoritas*, то есть права формировать смысловой и ценностный слои романа, и потому читатель в каком-то смысле становится «дублером» автора — но только структурно. Это ни в коем случае не значит, что концепция реципиента в эстетической деятельности в работах Бахтина совершенно обойдена им стороной. Скорее, допустимо сказать, что читатель в бахтинской теории присутствует имплицитно ввиду особого понимания его роли: читатель — субъектная антропная инстанция текста, как и автор, поэтому всякий раз, когда Бахтин исследует антропную субъектность, речь идет и о читателе в том числе.

Для героя же — единственной антропной объектной инстанции текста — конституирующим моментом является как раз противопоставленность ему автора, субъекта. Герой в качестве героя создается под взглядом смотрящего (или «любующегося», как говорит Бахтин) на него автора. Вместе с тем «активность автора направлена на человека как на человека» (АГ, 245) — и это есть важнейшее условие для совершения эстетического события. По этой причине субъектно-объектная диалектика взаимоотношений автора и героя усложняется, будучи связанной с ценностным планом:

Эстетический объект является субъектом своей собственной внутренней жизни, и вот в плане этой внутренней жизни эстетического объекта — как субъекта,

осуществляется эстетическая ценность, в плане одного сознания, в плане сопереживаемого самопереживания субъекта, в категории «я» (АГ, 139).

Каждая антропная инстанция, поскольку предполагает человека, в потенциале всегда субъектна, то есть, выражаясь в духе терминологии Бахтина, она стремится сама стать эстетически завершающим началом, не будучи завершимой извне. Но в отсутствие другого субъекта, для которого она будет объектом, невозможна эстетическая ценность⁶⁵ — так как именно сторонний, любующийся, незаинтересованный корыстно взгляд превращает жизненное событие в событие эстетическое — безотносительно к тому, найдет ли это материально-художественное воплощение или нет. С другой стороны, в пределе, поскольку эстетическая ценность осуществляется в категории «я», то есть тогда, когда созерцатель переживает жизнь созерцаемого изнутри него самого, субъект и объект в эстетической деятельности попросту совпадают — но в таком случае исчезает момент любования, стороннего взгляда, а значит, и эстетическая ценность события.

Если провести геометрическую аналогию, то эстетическую ценность можно сравнить (до известной степени, разумеется) с гиперболой, которая стремится к двум своим асимптотам — полному уподоблению субъекта объекту и объекта субъекту — но никогда их не достигает; в противном случае эстетическая ценность перестает быть эстетической. Эстетическая ценность в художественном произведении осуществляется, следовательно, на путях напряженного взаимодействия антропных инстанций, в противодействии разнонаправленных сил, при котором объектная инстанция стремится реализовать себя в качестве субъектной, а субъектная (или субъектные), будучи моментом иерархически выстроенного эстетического целого, — слиться с объектом собственного эстетического видения. Ни то, ни другое не является эстетически продуктивным и ведет

---

⁶⁵ см. также: *Светлакова О.А.* Эстетический объект у Бахтина и Ортега-и-Гассета // Литература в зеркале эпохи: сб. статей к юбилею профессора И.П. Куприяновой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 115-119.

лишь к неправомочному переходу эстетического в жизненное. Такой переход представлял бы полную противоположность тому, что имел в виду Бахтин, когда призывал к преодолению дурной неслиянности искусства и жизни путем ответственного приобщения их друг к другу.

Как видим, взаимодействие автора, героя и читателя именно в качестве антропных инстанций текста зиждится, по Бахтину, на их неснимаемой противопоставленности друг другу⁶⁶ — пространственной, временной, текстовой. Эта разнесенность, взаимная дистанцированность типологически восходит к оппозиции «я-другой», которая есть обязательное условие возможности эстетического отношения и осуществления эстетической ценности⁶⁷. В работе «Автор и герой в эстетической деятельности» Бахтин пишет:

Кроме нашего творческого или со-творческого сознания мы должны живо чувствовать д р у г о е (*разрядка Бахтина. — И.А.*) сознание, на которое направлена наша творческая активность — как на другое именно, чувствовать это — значит чувствовать форму, ее спасительность, ее ценностный вес — красоту (АГ, 256).

Определенная независимость героя от автора, его «упорствующая реальность» (АГ, 255) как другого, иного, внеположенного автору сознания, не есть сопротивление материала, некий эффект, возникающий в результате обработки и формовки тяжелой языковой массы. Герой, хотя и является объектом авторской созидающей воли, невозможен именно в качестве героя, если он начисто лишен самостоятельности. Познавательный-этический, ценностный и смысловой зазор между сознаниями автора, героя и читателя

---

⁶⁶ на этом строит свою концепцию Н.Д. Тмарченко в монографии: *Тмарченко Н.Д. «Эстетика словесного творчества» М.М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция.* М.: Изд-во Кулагиной, 2011. С.30.

⁶⁷ ср. у И.Шеффлера (Ангелус Силезиус), поэта-философа XVIII века: «Я не знаю, что я емь, я не емь то, что я знаю: вещь и не-вещь; точка и окружность» (пер. С.С. Аверинцева). Цит. по: *Аверинцев С.С. «Аналитическая психология» К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // О современной буржуазной эстетике: Сб. статей.* Вып. 3. М.: Искусство, 1972. С.150-151.

придает акту чтения потенцию экзистенциального поступка, ответственно включенного в единство бытия-жизни.

Сложность, если не невозможность научного описания этих процессов, в равной степени имеющих отношение и к формально-структурной организации текста, поддающейся объективным методам исследования, и к ценностно-смысловому уровню — или архитектурному в бахтинской терминологии — где автор, герой и читатель реализуют себя как антропные инстанции, осознавалась Бахтиным с самых первых шагов в этом направлении. Поискам «единого плана» мышления, а следовательно, и языка, где бы не просто учитывалась субъективная, собственно человеческая сторона объективного мира, но где бы они существовали в ценностном равновесии единого события бытия, посвящено, как мы можем констатировать, все раннее научное творчество Бахтина. Обозначенный же разрыв между культурой и жизнью, теорией и конкретной действительностью, пространством закона и пространством индивидуальной воли, свободой и причинно-следственной принудительностью — этот разрыв преодолевается Бахтиным в самом языке.

Отметим лишь несколько ключевых, на наш взгляд, моментов, которыми характеризуется работа Бахтина в этом направлении. В своих сочинениях Бахтин выходит из создавшегося положения (еще не обретенного «единого плана») грамматически: он делает акцент на самой процессуальности перехода, в изобилии употребляет отглагольные существительные (приведем только наиболее часто повторяющиеся: «видение», «любование», «завершение», «переживание»/«самопереживание», «оформление» и другие) и даже в стержневом для раннего (и не только) Бахтина термине «событие бытия» усиливается, на наш взгляд, именно момент проживания и его длительности. Кроме того, актуализация внутренней формы слова, его морфологической структуры и этимологии (как в описанном выше случае с «автором» и «читателем») — один из главенствующих у Бахтина способов создания собственного терминологического аппарата.

Бахтин также создает термины-дублиеты, то есть пару таких терминов, которые имеют одно значение, но различные семантические и стилистические обертоны. Самым ярким примером, пожалуй, будет пара «трансгредидентность/внеаходимость». «Внеаходимость» является русскоязычной калькой латинского по происхождению слова «трансгредидентность» и может считаться его полноценным русским переводом. Бахтин в своих текстах использует оба слова с одинаковой частотой, так что нельзя говорить, скажем, о том, что, раз создав русский эквивалент необходимого ему термина, он перестал употреблять иноязычный по происхождению оригинал. Логика выбора Бахтиным того или иного варианта термина обусловлена его ближайшим контекстом и, что важнее, непосредственным предметом описания: если в данном предложении Бахтин говорит о формально-структурном общетекстовом свойстве авторской позиции, то он употребит слово «трансгредидентность», если же автор рассматривается им как антропная инстанция, то тогда в его отношении будет употреблено слово «внеаходимость» (например: «Это достигается лишь напряженной и любящей внеаходимостью автора-созерцателя герою» (АГ, 156)). Заметим, что понятие внеаходимости/трансгредидентности также связано с фиксацией границы и ее пересечением, переходом из одного плана в другой.

Вопрос о языке описания для «первой филологии» является без преувеличения решающим, потому что терминология есть не просто техника письма, но инструмент тематизации реальности, определяющий тенденцию постановки вопросов к ней. Бахтин описывает⁶⁸ эстетическую действительность как процесс, и терминология — как бы остановка кадра, отражающего его движение.

---

⁶⁸ на важность описаний для Бахтина обратила внимание и Н.К. Бонецкая в статье: *Бонецкая Н.К. О стиле философствования М. Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. №1. С. 6-48.*

Исследователями давно было замечено, что Бахтин терминологизует слова обыденного языка⁶⁹; в этом, конечно, можно увидеть проявление его нелюбви к чрезмерному теоретизму, но и не только. «Поднимая» этимологические пласты языка, оживляя различными средствами внутреннюю форму слова, Бахтин таким образом утверждает корни своей философско-филологической теории в самой языковой стихии, что приводит к научно продуктивной проблематизации взаимосвязи научной терминологии и научного мышления.

Терминология у Бахтина стремится в пределе к таким терминам, которые можно только назвать, огласить, но нельзя дефинировать — как неотделяемую и неопределяемую (и потому неопределиваемую) очевидность. Поэтому Бахтин использует термины с максимально прозрачной внутренней формой, иногда даже в ущерб стилистической гладкости выделяя ее тавтологически. К таким терминам относится, например, «единственная единственность», которую «нельзя помыслить, но можно только участно пережить» (ФП, 17). Очевидно, что язык теоретического описания в таком случае оказывается ближе к жизни, чем к мысли, чего и добивается Бахтин.

Таким образом, «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности» — помимо того, что это, пусть и фрагментарный, но радикально новый «проект» пересмотра места и роли человека в отвлеченно-теоретических моделях общезначимого научного знания, это еще и выдающийся терминологический эксперимент с языком гуманитарной науки.

---

⁶⁹ см.: *Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. Stanford (Calif.), 1990. 532 p.*; рус.пер. (фрагмент): *Морсон Г.С., Эмерсон К. Михаил Бахтин. Создание прозаики <фрагмент>* (пер. Л.Н. Высоцкого, В.М. Калинкина) // М.М. Бахтин: pro et contra: В 2 т. / сост. К.Г. Исупов. Т.2. Изд-во РХГИ, 2002. С. 72-97.

Заключение

С первых шагов в науке М.М. Бахтин заявляет о себе как исследователе с самостоятельным и глубоко оригинальным стилем мышления и новаторской философско-филологической программой, общее направление которой он формулирует уже в 1919 году в статье «Искусство и ответственность». Эта программа реализуется им в двух крупных сочинениях, активной работой над которыми ознаменовалось для Бахтина начало 1920-х гг. — позднее, сохранившиеся лишь во фрагментах, они получили редакторские названия «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности».

В этих трактатах молодой Бахтин формулирует последовательно свой извод «первой философии», а затем и «первой эстетики» в ее словесном воплощении — то есть «первой филологии». Обоснование начал философско-филологического метода познания проходит в контексте размышлений Бахтина о методах и целях его научного «антагониста» — естествознания. В 1924 году в Ленинграде Бахтин прочитает небольшой цикл лекций, посвященных размышлениям И. Канта, одного из наиболее значимых для Бахтина мыслителей, о «положительной» (естественной) науке в со- и противопоставлении ее с философией. В особую заслугу ему Бахтин ставит то, что Кант проблематизирует науку как самостоятельный феномен и философскую критику начал естествознания представляет как рефлексию науки о себе самой.

Через некоторое время под именем своего друга, биолога И.И. Канаева Бахтин опубликует статью «Современный витализм», где продолжит развивать свои взгляды на естественнонаучный подход к действительности и методологию науки на примере биологии и ее философских экспликаций, а заодно формулировать собственные методологические установки. По аналогии с дебютным выступлением Бахтина в печати, философские «пролегомены» к критике идей Г. Дриша, составляющей основное

содержание статьи, можно назвать «Наука и ответственность». Здесь Бахтин в категорической манере критикует идею «нейтрального» метода, присущего естественным наукам, который пытается элиминировать субъект поиска на уровне мета-методологическом, поскольку определение как методологии, так и предмета изучения начинается с избрания четкой позиции субъектом познания.

Изнутри естествознания в удивительном согласии с направлением мысли Бахтина по этой проблеме выскажется несколько десятилетий спустя выдающийся физик Эрвин Шрёдингер. Он указывает на то, что создаваемая *scientia* картина мира конструируется без учета субъективного плана бытия и потому научная модель мира оказывается совершенно «бесчеловечной» — и на уровне субъекта познания, и на уровне его предмета. Вопросов о цели, смысле, этике и метафизике — то есть всего того, что определяет человека в качестве человека и составляет основу культуры, в рамках научной картины мира просто не существует.

По этой причине человеческое знание чем дальше, тем безвозвратней расщепляется надвое — на гуманитарное и естественнонаучное, а граница между ними проходит по человеку: между свободой и детерминизмом, ценностно-ориентированным и нравственно-индифферентным, логически доказуемым и постулируемым. На путях чистого теоретизма Бахтин считает преодоление этого дуализма совершенно невозможным, поэтому в своей «первой философии» он пытается выйти к тому «единому плану» бытия и сознания, в котором возможно обретение целостности человека и человеческого знания; это тот план, по мысли Бахтина, где человек представлен в полноте своей ответственности, единственности и ценности.

Фундаментальной дихотомией, лежащей в основании любого человеческого действия и поступка (в том числе и мысленного), Бахтин полагает дихотомию «я — другой». И если естественные науки, условно говоря, основываются на принципе «я как другой», то есть предельном овнешнении внутреннего, то культура предполагает принцип «другой как я»

— предельное вживание во внешнее. Поскольку это не два параллельно существующих плана, а модусы единого человеческого сознания, совершенный Бахтиным перевод проблематики в подобное русло не подменяет один вид дуализма другим, но, напротив, способствует его разрешению в конкретно-единственном бытии, в котором человек ответственно существует. Бахтин показывает, что обретение единого плана человеческой мысли возможно на путях «первой философии» в ее эстетическом воплощении — в «первой филологии».

Исследование проблематики собственно человеческого в эстетическом ключе заставляет Бахтина обратить пристальное внимание на такие моменты текста, как автор, герой и читатель, которые мы считаем целесообразным называть антропными, то есть предполагающими человека, инстанциями текста. Их особая важность подчеркивается тем, что для Бахтина эти три текстовые инстанции являются сквозными, поскольку существуют не только в пространстве художественного творчества, но также скрепляют самые разные пласты культуры в широком смысле, поэтому проблема антропных инстанций в полном смысле принадлежит компетенции первой филологии. Именно антропные инстанции играют роль того медиатора, который «осуществляет» единство двух разобщенных в интеллектуальном пространстве планов мышления и языка.

Человек, каким его представляет эстетика, ближе живому, поступающему, всегда конкретному человеку единственного бытия-события, нежели обобщенному условному «*homo sapiens*» сциентистского подхода. А так как человек воплощен в художественном произведении посредством антропных инстанций, Бахтин рассматривает взаимодействие между этими последними как один из модусов человеческих взаимоотношений, восходящих генетически во всем своем многообразии к фундаментальной оппозиции «я—другой».

Автор и читатель, с которым автор делится своим «*auctoritas*» с тем, чтобы последний мог ему «со-творить», формировать смысловой и ценностный слои романа, представляют антропную субъектность (позиция

«я»), в то время как герой — антропную объектность (позиция «другой»). Подспудное наличие оппозиции «я-другой», по Бахтину, есть необходимое условие возможности эстетического отношения и осуществления эстетической ценности.

Эстетическая ценность в художественном произведении осуществляется в напряженном взаимодействии антропных инстанций, в противодействии разнонаправленных сил, при котором объектная инстанция стремится реализовать себя в качестве субъектной, а субъектная (или субъектные), будучи моментом иерархически выстроенного эстетического целого, — слиться с объектом собственного эстетического видения. В случае реализации одной из двух тенденций эстетическая ценность перестает быть эстетической. Антропные инстанции поскольку являются моментами эстетического целого, поскольку существуют в противопоставлении друг другу. Именно познавательно-этический, ценностный и смысловой зазор между сознаниями автора, героя и читателя делает акт чтения потенциально экзистенциальным поступком, то есть выводит в область конкретно-единственного бытия.

Разрыв же между субъектным и объектным планами теоретического осмысления Бахтиным преодолевается в самом языке. Бахтин делает акцент на самой процессуальности перехода, приводит многочисленные описания, в изобилии пользуется отглагольными существительными, а также создает термины-дублиеты, в которых каждое из слов пары существует в своем стилистически-смысловом пласте текста, но четко эксплицирует связь со своим семантическим «близнецом». Бахтин часто актуализирует этимологию, внутреннюю форму слов или даже их морфологическую структуру и таким образом делает сам язык, а не тот или иной научный «диалект» основой для создания единого плана мышления. Бахтинская терминология вообще стремится в пределе к таким терминам, которые можно только назвать, помыслить, но крайне трудно, почти невозможно определить.

Для «первой филологии» проблема языка является без преувеличения краеугольным камнем, потому что терминология —

важнейший инструмент тематизации реальности, определяющий тенденцию постановки вопросов к ней. И как показывает Бахтин в работах «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности», от того, насколько ответственно и интеллектуально честно будет исследователем избираться позиция для этого вопрошания, зависит обретение человеческим достоверным знанием утраченного единства.

Перефразируя высказывание известного физика Вернера Гейзенберга: «История физики — это ... история понятий»⁷⁰, — можно сказать, что история филологии — это история понятий вдвойне. Однако сейчас уже очевидно, что бахтинская терминология — которая трудно переводима на другие языки — в условиях научной глобализации, стремлении обрести интернациональный и общепонятный гуманитарный язык, бахтинская терминология — за переводами которой не без скептицизма наблюдает русскоязычный гуманитарий — не может в полном объеме / смысле быть введена в научный оборот, не может заменить существующую терминологию. Но важно другое. Представляется, ценность бахтинской терминологии в том, что она не столько концептуализирующая, столько проблематизирующая, это язык, который ставит вопросы, не отрицая предшествующий узус, но проблематизируя также и его, часто — внутреннюю форму слова. Это, вероятно, еще одна причина, по которой Бахтин преимущественно терминологизирует слова обыденного языка.

Другое дело, что вопрос о терминологии в гуманитаристике и науке в целом действительно стоит очень остро, если не сказать — болезненно: потому что терминология имеет власть формировать использующего ее субъекта. То есть раз изобретенная и введенная (при удачном стечении обстоятельств) в научный оборот, она конституирует тот круг вопросов, которое имеет задать будущее поколение исследователей изучаемому предмету.

---

⁷⁰ Гейзенберг В. Указ. соч. С. 46.

Список использованной литературы

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 1997-2012.
2. Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Изд-во «Лабиринт», 2000. 640с.
3. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии [Электронный ресурс] / сост. Ж.Ж. Варбут, А.Ф. Журавлев. [М.:] ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова, 1998. URL: http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf (дата обращения: 03.05.16)
4. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.- науч. фонд. М.: Мысль, 2010.
5. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. 358 с.
6. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: около 1900 словообразовательных единиц. М.: Астрель АСТ, 2005. 636 с.
7. Аверинцев С.С. Автор // Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2006. С. 24-27.

8. Аверинцев С.С. Авторство и авторитет // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки славянских культур, 1996. С. 76-100.
9. Аверинцев С.С. «Аналитическая психология» К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // О современной буржуазной эстетике: Сб. статей. Вып. 3. М.: Искусство, 1972. С. 110-155.
10. Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху // Аверинцев С.С. Собрание сочинений. Связь времен. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. С. 342-359.
11. Аверинцев С.С. Бахтин, смех и христианская культура // Аверинцев С.С. Собрание сочинений. Связь времен. Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. С. 342-359.
12. Аверинцев С.С. Два рождения европейского рационализма // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки славянских культур, 1996. С. 329-346.
13. Аверинцев С.С. К дефиниции человека [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова. URL: http://krotov.info/library/01_a/verincev_005.htm (дата обращения: 01.05.2016).
14. Аверинцев С.С. Личность и талант ученого // Литературное обозрение. 1976. №10. С.58-61.

15. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон—Бахтин—Лотман—Гаспаров. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 502 с.
16. Бак Д.П. Неформальный метод в литературоведении (К проблеме вненаходимости литературоведа) // Бахтинский сборник: Выпуск II / Под ред. Д.Куянджича и В.Махлина. М., Саранск, 1991. С.243-264.
17. Бахтин М.М. М.М. Бахтин: беседы с В.Н. Дувакиным. М.: Согласие, 2002. 398 с.
18. Бахтинский тезаурус. Материалы и исследования: Сб. ст. / под ред. Н.Д. Тамарченко, С.Н. Бройтмана, А. Садецкого. М.: РГГУ, 1997. 183 с.
19. Бердяев Н.А. Философия свободы // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Академический проект. Екатеринбург: Деловая книга, 2015. С. 5-232.
20. Бондарев А.П. Автор и читатель в эстетической деятельности // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. №4. С. 26-32.
21. Бонецкая Н.К. Бахтин в двадцатые годы // М.М. Бахтин: pro et contra: В 2 т. / сост. К.Г. Исупов. Т.2. Изд-во РХГИ, 2002. С. 132-201.
22. Бонецкая Н.К. О стиле философствования М.Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. №1. С. 6-48.
23. Бочаров С.Г. Бахтин-филолог: книга о Достоевском // Вопросы литературы. 2006. №2. С. 48-67.

- 24.Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 472-502.
- 25.Бочаров С.Г. Событие бытия. М.М. Бахтин и мы в дни его столетия // Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 503-520.
- 26.Бройтман С.Н. Мир, празднующий богатство несовпадения с собою (Научная конференция «Проблемы теоретической и исторической поэтики в трудах М.М.Бахтина». Москва, РГГУ, 23 июля 1995 года) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1995. №4. С. 178-184.
- 27.Бубер М. Я и Ты / пер. с нем. Ю.С. Терентьева, Н. Файнгольда. М.: Высшая школа, 1993. 175 с.
- 28.Веселовский А.Н. История или теория романа? // Веселовский А.Н. Избранные работы. Л.: Художественная литература, 1939. С.3-22.
- 29.Гайденко П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 456 с.
- 30.Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 528 с.
- 31.Гаспаров М.Л. Бахтин в русской культуре 20-го века // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С.111-114.

- 32.Гейзенберг В. Развитие понятий в истории квантовой механики // Гейзенберг В. Избранные философские работы: Шаги за горизонт. Часть и целое / пер. А.В. Ахутина, В.В. Бибихина. СПб.: Наука, 2005. С. 46-59.
- 33.Гоготишвили Л.А. Варианты и инварианты М.М. Бахтина // Вопросы философии. 1992. №1. С.115-133.
- 34.Гоготишвили Л.А. Философия языка М.М. Бахтина и проблема ценностного релятивизма // М.М. Бахтин как философ / отв. ред. Л.А. Гоготишвили и П.С. Гуревич. М.: Наука, 1992. С.142-174.
- 35.Грюбель Р. Проблема ценности и оценки в творчестве М.М.Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2001. №1. С. 32- 67.
- 36.Исупов К.Г. Уроки М.М. Бахтина // М.М. Бахтин: pro et contra: В 2 т. / сост. К.Г. Исупов. Т.1. СПб.: изд-во РХГИ, 2002. С. 7-44.
- 37.Калыгин А.И. Ранний М. Бахтин. Эстетика как преодоление этики. Эго-персонализм, лирический герой и единство эстетических теорий. М.: РГО, 2007. 129 с.
- 38.Кларк К., Холквист М. Архитектоника ответственности (пер. Н.К. Бонецкой) // М.М. Бахтин: pro et contra: В 2 т. / сост. К.Г. Исупов. Т.2. Изд-во РХГИ, 2002. С. 37-71.
- 39.Кормилов С.И. Особенности литературоведческой терминологии М.М. Бахтина и строение литературно-художественного произведения // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. №2. С. 6-22.

- 40.М.М. Бахтин в зеркале критики / отв. ред. и сост. Т.Г. Юрченко. М.: ИНИОН, 1995. 191 с.
- 41.М.М. Бахтин: pro et contra: В 2 т. / сост. К.Г. Исупов. СПб.: изд-во РХГИ, 2002.
- 42.Мамардашвили М.К. Обязательность формы // Вопросы литературы. 1976. №11. С. 75-80.
- 43.Махлин В.Л. Бахтин и западный диалогизм // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. №3. С. 68-76.
- 44.Махлин В.Л. Невельская школа. Круг Бахтина // М.М. Бахтин: pro et contra: В 2 т. / сост. К.Г. Исупов. Т.1. СПб.: изд-во РХГИ, 2002. С. 122-326.
- 45.Махлин В.Л. Рукописи горят без огня (Вместо предисловия) // Михаил Михайлович Бахтин / под ред. В.Л.Махлина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 5-22.
- 46.Махлин В.Л. Тоже разговор // Вопросы литературы. 2004. №3. С. 3-45.
- 47.Михаил Михайлович Бахтин / под ред. В.Л.Махлина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 440 с.
- 48.Морсон Г.С., Эмерсон К. Михаил Бахтин. Создание прозаики <фрагмент> (пер. Л.Н. Высоцкого, В.М. Калинкина) // М.М. Бахтин: pro et contra: В 2 т. / сост. К.Г. Исупов. Т.2. Изд-во РХГИ, 2002. С. 72-97.

- 49.«Мы должны узнавать в обратных направлениях...» (Стенограмма докторской защиты В.Л. Махлина) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1998. №2. С. 137-192.
- 50.Новикова Л.И. К методологии гуманитарного познания // М.М. Бахтин как философ / отв. ред. Л.А. Гоготишвили и П.С. Гуревич. М.: Наука, 1992. С. 97-109.
- 51.Павленко А.Н. Антропный принцип: истоки и следствия в европейской научной рациональности // Философско-религиозные истоки науки / отв. ред. П.П. Гайденко. М.: Мартис, 1997. С. 178-218.
- 52.Панич А.О. «Любовь к слову» и «любовь к мудрости» в творческом мышлении Бахтина // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1997. №3. С. 67-100.
- 53.Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 720 с.
- 54.Перетц В.Н. Из лекций по методологии истории русской литературы. Киев: Типография 2-й Артели, 1914. 496 с.
- 55.Садецкий А. Диалогическое становление (слово Бахтина в оригинале и в переводе: проблемы дискурсивной аксиологии) // Бахтинский тезаурус. Материалы и исследования: Сб. ст. / под ред. Н.Д. Тамарченко, С.Н. Бройтмана, А. Садецкого. М.: РГГУ, 1997. С. 17-132.

56. Самохвалова В.И. Сознание как диалогическое отношение // М.М. Бахтин как философ / отв. ред. Л.А. Гоготишвили и П.С. Гуревич. М.: Наука, 1992. С. 190-205.
57. Светлакова О.А. Эстетический объект у Бахтина и Ортега-и-Гассета // Литература в зеркале эпохи: сб. статей к юбилею профессора И.П.Куприяновой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 115-119.
58. Тамарченко Н.Д. Поэтика Бахтина и современная рецепция его творчества (Филология в лицах) // Вопросы литературы. 2011. №1. С. 291-340.
59. Тамарченко Н.Д. Поэтика Бахтина: уроки «бахтинологии» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55. №1. С. 3-16.
60. Тамарченко Н.Д. «Эстетика словесного творчества» М.М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция. М.: Изд-во Кулагиной, 2011. 400 с.
61. Фридман И.Н. Незавершенная судьба «Эстетики завершения» // М.М. Бахтин как философ / отв. ред. Л.А. Гоготишвили и П.С. Гуревич. М.: Наука, 1992. С.51-67.
62. Шредингер Э. Природа и греки. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. 80 с.
63. Шредингер Э. Разум и материя. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. 96 с.

64. Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin: [A biography]. Cambridge, Mass.; London: Belknap press of Harvard univ. press, 1984. 398 pp.
65. Emerson C. The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin. Princeton: Princeton University Press, 1997. 350 pp.
66. Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. California: Stanford University Press, 1990. 532 pp.